

Чаша воды ещё не была допита, как из заднего двора вышел староста с мотыгой на плече. Он поставил мотыгу, у ограды деревянной палкой счистил грязь с подошв, потом снял соломенную шляпу, вытер пот полотенцем и, подходя, спросил:

— Что случилось? Лэ-гэр, какое у тебя дело?

В это время фулан старосты принёс ему чашу воды, и староста слушал Чжоу Сяолэ, одновременно отпивая.

Чжоу Сяолэ сначала поставил на стол овощную корзину. Просить человека о помощи и не принести хоть что-нибудь было бы неприлично.

Староста недовольно сказал:

— Пришёл так пришёл, зачем ещё это принёс? Забирай обратно!

Сказав это, он подтолкнул корзину к Чжоу Сяолэ. Чжоу Сяолэ придержал её рукой и поспешно сказал:

— Это всего лишь дикие овощи, они и нескольких монет не стоят. На Мацяньпо такого полно, только время потратить, чтобы нарвать. Если староста не примет, я и просьбу свою сказать не посмею...

Староста фыркнул:

— Очнулся ты, парень, и язык у тебя стал ловкий.

Раз он сказал так, значит, принял. Он взглядом показал фулану старосты унести корзину. Дикie овощи были в самый раз: не ценные, принять их - ничего страшного.

Когда фулан старосты унёс корзину, Чжоу Сяолэ сначала объяснил положение:

— Староста, в эти дни я в городе придумал кое-какую еду и продаю её. Но каждый день толкать тележку туда тратит много времени и сил, вот я и подумал: если поставить в городке навес, сделать столы и стулья, потом не придётся возить всё туда-сюда.

Староста спросил:

— Про еду, которую ты делаешь, я кое-что слышал. Поставить навес и правда было бы удобнее. Ты хочешь найти в деревне людей, чтобы его построить?

— Да. И не только для навеса нужны рабочие руки. Я ещё хочу сделать несколько бамбуковых столов и стульев. Мы с Сюй Гуанем сами с этим не управимся, поэтому пришли обсудить со старостой: можно ли найти в деревне людей? Плата как обычно - тридцать вэней в день без еды, двадцать вэней с едой.

Староста немного подумал и сказал:

— В деревне немало людей ходит на подённые работы, найти руки не проблема. Только тех, кто умеет делать бамбуковые столы и стулья, у нас немного.

- Примерно сколько человек?

— Дядя Гуй один троих стоит. Кроме него есть ещё трое, руки у них неплохие, только делают не так быстро, как он. Насчёт столов и стульев можешь спросить у дяди Гуя, — староста снова налил себе чашу воды, выпил и продолжил: — А когда Лэ-гэр хочет ставить навес?

Чжоу Сяолэ прикинул время. Когда будут готовы бамбуковые столы и стулья, пока неизвестно; но поставить навес заранее тоже можно. Сейчас имеющихся столов и стульев ещё хватало, а как только бамбуковые будут готовы, можно сразу запускать «набор чай и фэнь», так что время не слишком поджимало.

Только ещё нужно было идти в горы рубить деревья и бамбук, а на это уйдёт несколько дней. Подумав, он сказал:

— Сегодня вечером я схожу к дяде Гую и спрошу насчёт бамбуковых столов и стульев. А дерево для навеса ещё нужно будет нарубить в горах, это займёт немало времени. Если староста не занят, придётся побеспокоить вас: помогите сегодня подобрать людей.

— Людей найти нетрудно. Нарубить дерево, отвезти в город, потом поставить навес... Я найду тебе четырёх человек. Тогда вместе с твоим дядей Гуем и остальными рабочих рук будет достаточно.

Староста был очень доволен тем, что Чжоу Сяолэ, имея работу, в первую очередь подумал о деревенских. Все они из одной деревни: если есть заработок, первыми должны идти свои. Это тоже помогало сохранять единство деревни. Конечно, раз Чжоу Сяолэ по доброте давал деревенским возможность заработать, староста тоже не мог его обмануть. Сколько людей нужно - столько и найдёт; он не станет ради маленькой работы звать целую толпу, чтобы одни стояли и смотрели, как другие трудятся.

Разговор прошёл гладко, и камень на душе Чжоу Сяолэ наполовину опустился. Оставалось только после полудня сходить к Чжоу Гую и обсудить бамбуковые столы и стулья.

Староста хотел оставить их двоих поесть, но Чжоу Сяолэ поспешно отказался. В дни, когда не

было полевых работ, обычно ели только два раза, если только семья не была богатой или в доме не было работников, которым требовалось три приёма пищи. Тем более принести корзину диких овощей и остаться на обед - на такое у Чжоу Сяолэ не хватило бы наглости. Пусть под дикими овощами и лежали восемь куриных яиц, теперь он зарабатывал деньги и мог позволить себе купить яйца, так что ценным подарком это не считалось.

Когда они вышли, Сюй Гуань, всё это время молчавший, отстал от Чжоу Сяолэ на несколько шагов. Долго колебавшись, он нерешительно посмотрел на старосту и тихо сказал:

— С помощью старосты дело пойдёт вдвое легче. Только насчёт этих четырёх человек... прошу старосту не брать тех, кто прежде обижал Лэ-гэра.

Староста посмотрел на Сюй Гуаня с большим удивлением, но, вспомнив, что теперь эти двое считаются будущими супругами, понял его и так же тихо ответил:

— Не беспокойся.

Когда они возвращались, полдень только миновал. Летнее солнце пекло особенно беспощадно, у каждого двора были деревянные ограды, а спрятаться в тень было почти нигде. К тому времени, как они добрались до дома Чжоу Сяолэ, оба покрылись потом. Хорошо ещё, что местами попадались деревья и можно было укрыться от солнца, иначе одежда промокла бы насквозь.

Когда они пришли, Чжоу Цинцин сидела под карнизом, как раз натягивала нитку и перекусывала её зубами. Только воткнув иглу в мешочек для рукоделия, она заговорила:

— Почему вы двое не взяли зонт? Даже после полудня солнце всё равно злое.

Чжоу Цинцин редко ворчала, и Чжоу Сяолэ слушал её без малейшего раздражения. Он с улыбкой сказал:

— Я и так тёмный, даже с зонтом обратно белым не стану.

Чжоу Цинцин покосилась на него и нарочно сказала:

— Тебе можно и не белеть, это не страшно. Только не дай Сюй Гуаня тоже зачернить.

Сюй Гуань понял, что Чжоу Цинцин поддразнивает Чжоу Сяолэ, и промолчал, лишь с улыбкой смотрел, как Чжоу Сяолэ с возмущённым «и-и, я-я» что-то выкрикивает в ответ. В конце концов Чжоу Сяолэ так и не смог победить взгляд Чжоу Цинцин, опустил голову и пошёл за полотенцем для пота.

— Сюй Гуань, ты на него не смотри. В такую жару не стой у ворот, заходи в главную комнату, посиди.

Чжоу Цинцин убрала корзинку с шитьём, поднялась и первой вошла в главную комнату. Сюй Гуань посмотрел на комнату, куда ушёл Чжоу Сяолэ; тот ещё не вышел, поэтому он сперва последовал за Чжоу Цинцин и сел в главной комнате. На столе уже стояла налитая вода. Сюй Гуань выпил половину чаши и только тогда немного утолил жажду.

Вскоре Чжоу Сяолэ вошёл с двумя полотенцами, одно бросил Сюй Гуаню, а другим сам принялся беспорядочно вытираться. Когда почти стёр пот, он поднял чашу воды и выпил её одним глотком; сразу было видно, что жажда мучила его сильно.

— Договорились? — спросила Чжоу Цинцин, когда Чжоу Сяолэ допил.

— Да, староста уже согласился. Позже сходим к дяде Гую, попросим его помочь с бамбуковыми столами и стульями. Если всё пойдёт гладко, уже завтра можно будет искать дерево и бамбук.

— Тогда хорошо. Да, кстати, — Чжоу Цинцин вышла, а когда вернулась, принесла лист красной бумаги, положила на стол и показала им. — Здесь перечислены люди, которых нужно позвать на свадебный пир. Всего шесть столов, посмотрите.

— Со стороны Сюй Гуаня будет только один друг, я посадила его за главный стол.

За такую заботливую подготовку Сюй Гуань был очень благодарен, хотя и считал, что Чжао Шаню на самом деле всё равно, где сидеть: лишь бы следить за ним, он и у деревенского моста поесть согласился бы.

Чжоу Сяолэ бегло просмотрел список. Приглашены были семьи, с которыми они были ближе и которые никогда не обижали прежнего владельца тела. Что до отделившейся семьи старшего дяди, там не было записано ни одного человека, даже Чжоу Юна. Если позвать одного Чжоу Юна, а остальных не звать, для самого Чжоу Юна это не будет ничем хорошим.

Просмотрев список, Чжоу Сяолэ возражений не имел. То, что со стороны Сюй Гуаня придёт только один друг, тоже не казалось ему чем-то особенным; он-то думал, что у того вообще никого не будет...

Только этот Чжао Шан... кем он приходится Сюй Гуаню?

У Чжоу Сяолэ возражений не было, а у Сюй Гуаня тем более, так что список для свадебного пира можно было считать утверждённым.

— Лэ-гэр! Цин-цзээр!

Во дворе раздался шум, и Чжоу Чуся влетел внутрь. Смутно увидев, что в главной комнате кто-то есть, он возбуждённо закричал:

— Пойдёмте к реке ловить креветок? С верховья воду принесло, в реке теперь столько креветок и рыбы! В деревне уже много людей пошло, давайте и мы посмотрим?

Чжоу Сяолэ вышел и увидел, что Чжоу Чуся уже приготовил и рыболовную сеть, и рыбную корзину, даже нарочно переоделся в грубую одежду. Весь его вид говорил, что он не может дождаться.

Чжоу Сяолэ поддразнил:

— Ты уже и снасти приготовил. Даже если не пойдём, ты всё равно нас туда утащишь.

Как раз Сюй Гуань был охотником, значит, и ловить рыбу наверняка умел неплохо. Если он пойдёт, наверное, сможет выловить всю рыбу в реке.

Подумав так, Чжоу Сяолэ обернулся к Сюй Гуаню:

— Пойдёшь с нами?

Сюй Гуань не любил ходить в людные места ради веселья и, услышав это, немного заколебался. Чжоу Сяолэ, кажется, заметил, что тот хочет отступить, и мягко сказал:

— Мы пойдём чуть ниже по течению. Там людей меньше и свободнее.

Раз так, у Сюй Гуаня не осталось причин отказываться, и он кивнул.

Чжоу Сяолэ и Чжоу Цинцин вернулись в комнату переодеться. Раз уж они собирались ловить рыбу, наверняка придётся заходить в реку, а значит, повседневную одежду лучше было не надевать.

В доме Чжоу Сяолэ не было ни рыболовной сети, ни рыбной корзины, но Чжоу Чуся принёс свои, и этого вполне хватало. Чжоу Цинцин не годилось заходить в воду, а у Сюй Гуаня были собственные удобные снасти, так что эти вещи как раз могли достаться Чжоу Сяолэ и Чжоу Чуся, чтобы поразвлечься. Они двое прежде никогда не ловили рыбу в реке и опыта не имели. Достаточно было подумать, чтобы понять: оба идут скорее для количества и ради забавы, а главной силой всё равно должен стать Сюй Гуань.

На Сюй Гуаня возлагали большие надежды, и, чтобы не обмануть их ожиданий, он, когда вернулся домой за снастями, специально взял трезубец - незаменимую вещь для ловли рыбы. Правда, ловля рыбы трезубцем особенно требовала от рыбака зоркости, скорости рук, силы и

умения судить точно: быстрый, верный, беспощадный удар - и одна рыба на острие. Если повезёт, можно было одним ударом взять и две-три рыбины, но для этого требовалась ещё и внутренняя сила. Обычному человеку уже один точный удар был бы очень неплох.

Они ещё не дошли до Мацяньпо и ждали у дома Сюй Гуаня, когда издалека уже увидели: у реки возле склона собралось множество людей. Кто-то стоял кучками, кто-то один, кто-то по двое-трое; вдоль реки тянулась целая живая полоса, шумная и суетливая, человек на пятьдесят.

Подойдя ближе, они обнаружили, что Цинь Сань-нян тоже здесь. Под ивой она торопила Чжоу Гуя, велела ему целиться точнее, а если он снова промахнётся, вечером останется без ужина. Эти слова вызвали общий смех. Люди, смотревшие на веселье, охотно раздували огонь, и окрестные тётушки с фуланами тоже подхватили слова Цинь Сань-нян, добавляя Чжоу Гую ещё больше давления.

Чжоу Гуй выслушал и не рассердился; всё так же улыбался своим добродушным видом. Но точность его рук была вовсе не низкой. Только что он с улыбкой будто небрежно смотрел в реку, а в следующий миг ударил так быстро, что никто не успел опомниться. Сеть резко взлетела, и одна живая, отчаянно бьющаяся рыба уже доплыла до конца своей жизни.

Этот ловкий рывок вызвал вокруг множество похвал. Рыбу поймали немногие, и, увидев, что кому-то удалось, люди радовались, даже если рыба была не их.

— Сегодня вечером мне можно две чашки риса? — Чжоу Гуй поднял рыбу и громко крикнул Цинь Сань-нян, а все, кто услышал, тут же засмеялись и стали поддразнивать.

Цинь Сань-нян покраснела и, притворно сердясь, сказала:

— Ешь, ешь! Когда я тебе не давала? Хоть три чаши!

Все рассмеялись ещё громче.

Чжоу Сяолэ с остальными постояли рядом, посмотрели хорошее представление, а когда Чжоу Гуй вышел на берег, все сразу подошли разглядывать рыбу. Рыба оказалась довольно крупной; стоило потрогать мягкое брюшко, и сразу становилось ясно - филе у неё наверняка будет жирным и вкусным.

Чжоу Гуй положил рыбу в деревянное ведро. Попад в воду, рыба снова забилась весело и резво; боясь, что она выпрыгнет, он придавил ведро деревянной дощечкой. Закончив, сказал нескольким людям:

— Вечером все приходите ко мне есть. Рыба на вид хорошая.

Цинь Сань-нян сказала:

— На вид большая. Вечером приготовлю тушёную рыбу, вы все приходите. Сюй Гуань тоже приходи.

Отношения Сюй Гуаня с семьёй Цинь Сань-нян, конечно, не могли сравниться с отношениями Чжоу Сяолэ, но, полюбив дом, любят и ворона на крыше*: из-за Чжоу Сяолэ Цинь Сань-нян и о Сюй Гуане тоже заботилась.

Сюй Гуань медленно кивнул. Он знал, что Цинь Сань-нян добра к брату и сестре Чжоу Сяолэ, но не ожидал, что вместе с ними она будет заботиться и о нём. Он, прежде почти не знавший вкуса родственного тепла, казалось, тоже начал понимать, что значит забота близких.

(ПП: идиома, означает любить кого-то так сильно, что переносить свою любовь и на всё, что с ним связано (даже на незначительные вещи))

<http://bllate.org/book/17639/1703317>